

Новая дипломатическая одиссея

Ханойский саммит, или Как я стал сдержанным оптимистом по поводу ядерной дипломатии между Трампом и Кимом

Читайте также эту статью на английском языке

Я громко заявил о своем <link regiony azija statja show a-chto-zakadrom-531>скептическом отношении к дипломатии по ядерному разоружению между США и Северной Кореей. Я был не одинок. Северная Корея является рекордсменом по количеству взятых на себя лицемерных обязательств, связанных с нераспространением ядерного оружия, и в 2018 году режим Ким Чен Ына давал нам мало оснований рассчитывать в этот раз на иное поведение. Наряду с этим в прошлом году в форсированном режиме – дилетантски и нереалистично – воплощался в жизнь нынешний подход администрации Трампа к встречам на высшем уровне и переговорам по ядерному разоружению. Сингапурский саммит, состоявшийся прошлым летом, был организован в спешном порядке и представлял собой ряд банальных переговоров на рабочем уровне; в дальнейшем Пхеньян воспользовался глубоким расхождением во мнениях между Трампом и его радикально настроенными советниками, а правительство США в своих политических заявлениях настаивало на полном одностороннем ядерном разоружении Северной Кореи без какой-либо значимой компенсации.

Само собой разумеется, что в 2018 году реальных результатов дипломатии по ядерному разоружению между США и Северной Кореей было раз-два и обчелся. Ким отбелил свою репутацию и добился моратория на проведение совместных военных учений США и Южной Кореи. Трамп заработал политические очки на показушном саммите и на заморозке северокорейской программы испытаний ракетно-ядерного вооружения – с последующим чисто формальным уничтожением избыточного количества полигонов для ракетно-ядерных испытаний. Несмотря на позитивные сдвиги в процессе примирения двух Корей, дипломатия по ядерному разоружению застопорилась во второй половине 2018 года, так как главные американские дипломаты Майк Помпео и Стивен Биган

почти не взаимодействовали со своими коллегами из Пхеньяна. И по сей день Вашингтон и Пхеньян не выработали единого определения процесса ядерного разоружения. Ким продолжает изготавливать ракеты с ядерными боеголовками.

Несмотря на это, в 2019 году дипломатия по ядерному разоружению между США и Северной Кореей продемонстрировала ряд позитивных сигналов. У Вашингтона и Пхеньяна имеются едва ощутимые сдвиги в их позициях по нескольким важнейшим темам переговорного процесса, и эти сдвиги намекают на компромиссы, которые были недостижимы в 2018-м. Принципиально важно, что сегодня Помпео и Биган проводят серьезные встречи с северокорейскими коллегами в рамках подготовки второго саммита с участием Трампа и Кима, запланированного на 27-28 февраля в Ханое (Вьетнам). Этот саммит является прямым продолжением предыдущего и нацелен на достижение осязаемых успехов по четырем базовым положениям Сингапурской декларации: улучшение отношений между США и Северной Кореей, установление мира на Корейском полуострове, ядерное разоружение Корейского полуострова, а также возвращение военнопленных и останков пропавших без вести.

Базовый фундамент Вьетнамского саммита

Налицо основополагающие условия для дипломатического успеха на грядущем саммите. Итоги 2018 года свидетельствуют о том, что у всех ключевых действующих лиц саммита – Трампа, Кима и президента Южной Кореи Мун Чжэ Ина – имеются мощные внутривластные и внешнеполитические стимулы для поддержания движущей силы дипломатического процесса. Понятное дело, что 2018 год стал дипломатической пустышкой и на Вьетнам сегодня делаются более высокие ставки, поскольку Трампу и Киму сложно будет убедить своих избирателей в успешности очередных полуфабрикатных результатов – по образу и подобию Сингапурской декларации. Вполне вероятно, что благодаря этому не произойдет скатывания в конфликт образца 2017 года.

К счастью, в отличие от ситуации накануне Сингапурского саммита в 2018-м, имеет место другая основополагающая причина для успешного итога будущего саммита: качественная предварительная подготовка. Скрытая коммуникация на уровне разведслужб ведется уже не первый месяц. Помпео и Трамп недавно встречались с пхеньянским политическим тяжеловесом Ким Йонг Чолом. Биган

встречался со своими южно- и северокорейскими партнерами по переговорному процессу в Вашингтоне, Сеуле, Швеции и Пхеньяне. Создается впечатление, что у Бигана все-таки получается завоевывать к себе уважительное отношение со стороны Северной Кореи, что позволит ему продолжить переговорный процесс по всем существенным пунктам повестки дня предстоящего саммита. То обстоятельство, что отличительной чертой нового саммита станут два дня, отведенные для переговоров и встреч, – в отличие от одного дня, как это было в Сингапуре, – даст обеим сторонам больше времени для выработки различных вариантов соглашений.

Что можно выстроить на этом фундаменте

Оптимальным результатом для Ханоя стало бы нечто наподобие того, что мы хотели в 2018 году: некая дорожная карта по проведению согласованных обеими сторонами мероприятий для осуществления мирного ядерного разоружения, которые отличались бы синхронностью и параллельностью, а также нарастающей интенсивностью, содержательностью, полнотой реализации, контролируемостью, четко определенными временными интервалами и мотивированностью сторон. Впрочем, этот грандиозный результат кажется маловероятным – больше шансов имеет более скромная дорожная карта с мозаичным набором согласованных действий.

Существует огромное количество пунктов этого плана, но, кажется, семь из них будут предметом активной дискуссии с целью нахождения возможной комбинации для достижения соглашения непосредственно в рамках Ханойского саммита: декларация о завершении Корейской войны; декларация Северной Кореи об элементах ее ракетно-ядерной программы; дальнейшие мероприятия по укреплению доверия; демонтаж Северной Кореей любой значимой ядерной инфраструктуры; частичное ослабление санкционного режима для Северной Кореи; заморозка Северной Кореей производства ракет и ядерного топлива; снижение военной активности США на Корейском полуострове и в сопредельных регионах.

Во-первых, мы стали свидетелями возрождения давней идеи «декларации в обмен на декларацию», в рамках которой Вашингтон мог бы согласиться заявить о завершении Корейской войны в обмен на (возможно, частичную) декларацию Пхеньяна об элементах его программы создания ракетно-ядерного оружия. Эта идея набрала

обороты и затем потерпела фиаско в 2018 году, когда Пхеньян выразил обеспокоенность, что его декларации будет отведена роль перечня целей, в то время как Вашингтон осознавал, что декларация о завершении войны может стать политическим прикрытием для требований разорвать союзнические отношения между США и Южной Кореей.

Некоторые высказывания Бигана образца 2019 года, в особенности его недавнее выступление в Стэнфордском университете, дают основания полагать, что этот торг снова стал предметом переговоров – возможно, в сочетании с мерами по укреплению доверия на Корейском полуострове, такими как длительный мораторий на проведение совместных военных учений США и Южной Кореи, упомянутый возврат незахороненных останков и/или открытие контактного центра США в Северной Корее. Есть вероятность, что любой вариант мирной декларации также втянет Китай и Южную Корею в смешанную дипломатию на Корейском полуострове с постоянным увеличением числа ее участников.

Во-вторых, непрерывный демонтаж Северной Кореей отдельных частей ядерного комплекса в Йонбёне также был определен как возможный конкретный итог Вьетнамского саммита. Безусловно, большой проблемой является то, на каких «ответных мероприятиях» мог бы настаивать Пхеньян. Вполне вероятно, что Северная Корея не преминет потребовать ослабления экономических санкций, несмотря на то что США не проявляют желания отказываться от этого рычага дипломатического давления. Однако при этом отдельные комментарии Бигана и Помпео наводят на мысль, что не стоит исключать готовности США предложить некоторое ослабление санкционного режима. Наверняка можно предположить, что это не будет затрагивать международные секторальные санкции, которые Соединенным Штатам будет сложно возобновить в случае необходимости. Более правдоподобным вариантом развития событий стал бы вывод из-под санкций определенных видов деятельности (таких как туристические поездки в горы Кымгансан или развитие железнодорожного сообщения между двумя Кореями) или же снятие второстепенных санкций, которые США ввели на национальном уровне и которые можно было бы возобновить в одностороннем порядке.

Дальнейшие два обязательства тоже являются обоснованными и жизнеспособными: согласие Пхеньяна на заморозку производства ракет и ядерного топлива, а также сокращение присутствия военных сил США на Корейском полуострове и в сопредельных регионах. Последнее может включать в себя сокращение численности

американских войск и военной техники, дислоцирующихся в Южной Корее, и/или вывод сил и средств стратегического назначения из тех районов Азиатско-Тихоокеанского региона, откуда возможны атаки на Северную Корею.

Похоже, что эти шаги являются слишком амбициозными для Вьетнамского саммита. Надлежащий уровень контроля за соблюдением Северной Кореей условий заморозки непременно потребует стратегического доверия, которое в настоящее время отсутствует, в то время как значительное изменение расстановки американских вооруженных сил на данном полуострове и в сопредельных регионах несоразмерно тому, на что Пхеньян может реально притязать в данный момент в обмен на ядерное разоружение. Здесь не учитывается и значимость того факта, что такого рода изменение негативно сказалось бы на всей стратегической позиции США в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Комбинация упомянутых выше мероприятий (некоторые из них более вероятны, чем другие) станет предметом переговоров в канун и во время Ханойского саммита наряду с дорожной картой с четко определенными временными интервалами для их реализации. Будет ли выработано соглашение в ходе грядущих переговоров, это уже другой вопрос.

Если поразмыслить в более широкой перспективе, то можно заметить (маловероятную) возможность того, что подготовительная работа для успешного проведения Ханойского саммита привела бы США к необходимости договариваться о сделке, в рамках которой Северная Корея сохраняет за собой часть своего ракетно-ядерного арсенала в обмен на закрытие своей программы создания ядерного оружия и уничтожения своих межконтинентальных баллистических ракет. Логика этого сценария в том, что Трамп в первую очередь заботится о безопасности на территории США, что является главным приоритетом американской политики, как недавно особо отметили Помпео и Биган. Это, по всей видимости, оставит Японию и Южную Корею уязвимыми для северокорейских ядерных ракет малой и средней дальности, но соблюдение обязательств перед союзниками не является сильной стороной Трампа. Этот шаг также напрямую привел бы нас в новый мир контроля за вооружением Северной Кореи, а не ее ядерного разоружения – со всеми непрогнозируемыми последствиями для режима нераспространения ядерного оружия.

Без провалов и прорывов

Переговоры между США и Северной Кореей по ядерному разоружению могут с весьма высокой вероятностью завершиться провалом: Вашингтон и Пхеньян имеют противоположные интересы, нет никаких серьезных подвижек, а режим Кима все еще воздерживается от публичного подтверждения своей готовности провести ядерное разоружение в рамках тех уступок, на которые могли бы пойти США. Разумеется, не стоит исключать, что вся эта дипломатическая одиссея является не более чем маневром Пхеньяна с целью ввести Трампа в заблуждение. Нисходящая природа текущего процесса несет в себе как риск коллапса, так и риск заключения Трампом неудачных сделок в ходе переговоров.

Несмотря на озвученные предостережения, существуют некоторые причины для сдержанного оптимизма (а может, любви) в отношении ядерной дипломатии между Трампом и Кимом. Самым вероятным результатом в Ханое станет не провал и не прорыв, а умеренно эффективная и компромиссная дорожная карта, содержащая в себе ряд значительных, но не решающих обязательств для действий обеих сторон. Затем ожидается продолжительная неразбериха в среднесрочной перспективе. Миру надо быть готовым к неудаче, но и не отказываться от поддержки нарастающего успеха.

Мейсон Ричи

Сеул

Мейсон Ричи (Mason Richey) – профессор международной политики
Университета иностранных языков Ханкук в Сеуле.

